ПОЛѢССКАЯ ЖИЗНЬ

политическая, общественная и литературная газета.

Выходитъ 3 раза въ недѣлю въ Гомелѣ.

Редакція и контора помѣщаются по Замковой ул., д. Миляева. Телефонъ № 235.

Цѣна отдѣльнаго № 1 к.

На ст. жел. дор. 3 коп.

Цѣна объявленій:

На 1 стр. за строку петита или за зан. мѣсто 20 к.
„ 4 „ „ „ „ „ „ „ 10 к.

Иногородние платятъ на 5 к. дороже.

Редакція открыта отъ 11 ч. утра до 3 ч. дня.
Контора открыта отъ 10 ч. утра до 1 час. дня и отъ 6—8 веч.

Среда, 3 ноября 1910 г. № 8. Годъ изданія II-й.

Карты открыты.

Въ первый разъ за время существованія Государственной Думы выборы предсѣдателя сопровождались такимъ опредѣленнымъ партійнымъ эксцессомъ, какъ то произошло при выборѣ А. И. Гучкова.

До сихъ поръ игра шла въ сущности «въ закрытую». Припомните обстановку прошлогоднихъ выборовъ того же Гучкова и вамъ станетъ ясной вся разница положеній. Три года подрядъ думская оппозиція совершало то, что французы называютъ въ переводѣ: «дѣлать хорошее лицо при плохой игрѣ».

«Игра» была неизмѣнно плоха, а «оппозиціонное лицо» неизмѣнно не имѣло выраженія «хорошаго». При выборѣ партійнаго предсѣдателя враждебной политической группы, оппозиціонные элементы воздерживались отъ какой-либо формы опредѣленнаго выраженія своего мнѣнія и уклонялись отъ выборовъ.

Но вѣдь есть русская поговорка: «молчаніе—знакъ согласія». И уклоненіе многіе могли понимать именно, какъ согласіе.

Теперь избранъ путь болѣе опредѣленный: новому предсѣдателю валили черняки, а при появленіи его на трибуну, ему свистали.

Итакъ, карты, наконецъ, открыты... И игра въ дальнѣйшемъ можетъ происходить уже при значительно болѣе ясныхъ условіяхъ.

Впервые въ стѣнахъ Таврическаго дворца получается такая коньюнктура: такъ называемая «дѣйствующая оппозиція», т.-е. кадеты и прогрессисты идутъ противъ предсѣдателя принципіально, какъ противъ политическаго дѣятеля, правая—идетъ противъ того же Гучкова совершенно на той же подкладкѣ, но по другимъ лишь мотивамъ. Для однихъ Гучковъ—откровенный сторонникъ правительства и потому непріемлемъ, для другихъ—такой же врагъ правительства и, по этой причинѣ, непріемлемъ.

Словомъ, въ одномъ и томъ же человѣкѣ сосредоточены два полюса, взаимно себя уничтожающихъ.

Коллизія, не часто встрѣчающаяся на практикѣ политической жизни... Но эта же коллизія поставила все дѣло развертывающейся четвертой сессіи 3-й Думы въ совершенно опредѣленныя рамки, и политическая игра можетъ вестись отнынѣ въ открытую. Вѣдь до сихъ поръ все еще толковали о возможности соглашеній между октябристами и кадетами на «почвѣ реальныхъ интересовъ», и именно потому оппозиція какъ-бы молчаливо санкціонировала прошлогодніе выборы того же Гучкова. Теперь произошелъ открытый разрывъ, и ни о какихъ соглашеніяхъ рѣчи быть не можетъ.

Отнынѣ оппозиція изолирована въ Думѣ и роль ея должна итти въ соотвѣтствіи съ этимъ. Въ Думѣ утвердилось опредѣленное большинство октябристско-національное. А. И. Гучковъ заранѣе отгородился отъ какихъ-либо соглашеній своимъ заявленіемъ предъ выборами:

— Первое мое условіе, сказалъ онъ,—это, чтобы мнѣ не ставили никакихъ условій.

И потому уже съ какимъ рѣшительнымъ и сердитымъ видомъ Гучковъ занялъ свое предсѣдательское кресло, можно было видѣть, что онъ дѣйствительно порѣшилъ быть внѣ всякихъ условій.

Думается, что все это къ лучшему. Игра въ прятки давно надоѣла—пора оппозиціи показать свое дѣйствительное лицо и выполнить ту роль, которая ей предназначена въ 3-й Думѣ пославшими ее туда.

Довольно компромиссовъ и соглашеній—карты открыты, и иллюзіямъ нѣтъ больше мѣста.

Толстой—анахоретъ.

Сегодня лицо близкое семьѣ графа Л. Н. Толстого г. К. по поводу его исчезновенія изъ Ясной Поляны разсказывалъ слѣдующее:

— Настойчивое желаніе Льва Николаевича удалиться изъ своего Яснополянскаго дома выра-

жалось имъ уже неоднократно и въ очень категорической формѣ. Великаго писателя очень утомила вся обстановка, создавшаяся вокругъ него,—этотъ непрерывный потокъ посѣтителей, необходимость волей-неволей говорить съ ними. Чрезвычайно надоѣли Толстому просители. Дня не проходило, чтобы съ просьбами о денежномъ вспомоществованіи къ нему не обращались по 30—40 человѣкъ. Я былъ въ Ясной Полянѣ мѣсяцъ назадъ. Левъ Николаевичъ выглядѣлъ очень плохо, имѣлъ видъ утомленный и легко раздражался, чего съ нимъ никогда не было.

Онъ говорилъ при мнѣ домашнимъ:

— Мнѣ нуженъ теперь душевный покой больше физическаго. Душа устаетъ смотрѣть на все проходящее кругомъ.

Между прочимъ, постоянно находящійся около великаго писателя докторъ Маковецкій настоятельно совѣтовалъ перемѣну обстановки, утверждая, что та обстановка, которая создалась около Льва Николаевича, приближаетъ его кончину.

Пробовали совершенно изолировать великаго писателя отъ всей этой лавины писемъ и посѣтителей, которые его осаждаютъ, но всѣ эти усилія ни къ чему не привели, такъ какъ Левъ Николаевичъ не можетъ обходиться безъ свѣжаго воздуха и при всякой возможности покидаетъ домъ.

Но при всякомъ его выходѣ, великаго писателя сторожатъ посторонніе люди со всѣми своими просьбами и нуждами.

Внезапный отъѣздъ Льва Николаевича «неизвѣстно куда» сегодня комментировали на всѣ лады въ семьѣ К. и высказывались предположенія такого рода:

— Рѣшеніе Льва Николаевича покинуть Ясную Поляну и сдѣлаться анахоретомъ совпало съ послѣднимъ его посѣщеніемъ Черткова.

Самый фактъ высылки изъ Ясной Поляны двухъ близкихъ ему людей—сначала секретаря Гусева, а затѣмъ и Черткова—произвели на великаго писателя очень глубокое впечатлѣніе.

Онъ говорилъ чуть не со слезами...

— Отрываютъ куски отъ сердца...

Думается, что надо бы свято исполнить желаніе Льва Николаевича и не отыскивать его въ его уединеніи. Великая душа жаждетъ уединенія—не будемъ же нарушать его. Е. К.

Не надо воспитанія.

Въ Добрушѣ въ продолженіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ учительствовала жена священника г-жа Р-чъ.

Нѣсколько времени тому назадъ, въ то время, какъ г-жа Р-чъ, по обыкновенію, вела занятія въ школѣ, явился молодой человѣкъ съ бумагой отъ инспектора г-на Чикидовскаго, въ которой послѣдній извѣщаетъ учительницу, что она отстранена отъ занимаемой ею должности и что на мѣсто ея назначается податель бумаги. Желая выяснить причины увольненія, г-жа Р-чъ поѣхала къ г. Чикидовскому, но г. инспекторъ такъ принялъ ее, что ей осталось только... уйти...

Директоръ народныхъ училищъ, къ которому она поѣхала за разъясненіемъ, сказалъ ей, что она уволена потому, что она, какъ жена священника, не нуждается въ должности. «Но позвольте», отвѣтила г. Р.: «у меня большая семья. Нужно воспитывать дѣтей, а на это не хватаетъ жалованье мужа».

—*Не обязательно давать воспитаніе дѣтямъ*, отвѣтилъ г. директоръ, могли дать имъ что-нибудь спеціальное!..

Въ этой исторіи есть два интересныхъ момента: 1) причины отказа—мы, дескать, увольняемъ васъ потому, что вы не нуждаетесь. Новый взглядъ на школу. Выходитъ, по мнѣнію «начальства», что школа—богодѣльня, куда назначаютъ лицъ, нужд. въ хлѣбѣ насущномъ. Филантропія—дѣло почтеное, но въ дѣлѣ народнаго образованія ей не мѣсто. Развѣ мало нуждающихся?! Неужели же ихъ всѣхъ назначать учителями, только потому, что имъ «тоже нужно ѣсть».

Не кажется ли Вамъ, читатель, что мотивъ нѣсколько наивенъ? И что такъ могутъ поступить не солидные, убѣленные лѣтами и опытомъ люди, а дѣти?!

Второй моментъ—невольно вырвавшіяся слова г. директора: «*Не обязательно давать воспитаніе дѣтямъ*». Такую фразу можетъ сказать не лицо, стоящее во главѣ народнаго образованія цѣлой губерніи, а какой-нибудь Скалозубъ, который глубоко вѣритъ, что все зло отъ книгъ.

Но эта же фраза была произнесена не тогда, когда Грибоѣдовъ писалъ своего Скалозуба, а теперь, когда вездѣ и всюду насаждаютъ школы, когда самый послѣдній бѣднякъ стремится дать своимъ дѣтямъ воспитаніе, когда вводится обязательное образованіе, когда государство, земства, городскія самоуправленія, ассигнуютъ средства на введеніе школьной сѣти,—въ это время находится новый Скалозубъ заявляющій, что необязательно давать дѣтямъ образованіе!..

Фраза эта характерна еще тѣмъ, что она ясно подчеркиваетъ взглядъ г. директора на образованіе, указываетъ на его отношеніе къ дѣлу, во главѣ котораго онъ стоитъ:

— Не вѣрю въ дѣло, не признаю дѣла, служу ему потому, что получаю за это деньги! Таковъ взглядъ г. директора.

— Увы, горе тебѣ несчастное народное образованіе, когда тобою руководитъ человѣкъ съ такимъ взглядомъ!...

Старый учитель.

Маленькій фельетонъ.

Изъ женскихъ писемъ.

I.

Ваше письмо разбудило во мнѣ заснувшую тоску, ту тоску, отъ которой люди уходятъ, кончая съ собою.

Все время я старалась ее прогнать кутежами, пьянствомъ, и вотъ теперь, когда я думала, что она далека, теперь нѣсколько строкъ Вашего письма опять вернуло мнѣ ее.

Я не могу ничего писать, у меня нѣтъ этого умѣнья... Я хочу говорить съ Вами. Я ждала Васъ вчера... Но вы не пришли. Прошу Васъ завтра заѣхать ко мнѣ въ 5—6 час.

Мнѣ такъ безумно жаль, что я прошла мимо *человѣка* и даже съ намѣреніемъ...

Вокругъ меня нѣтъ людей... А такъ хочется хорошихъ, чуткихъ, какъ Вы, людей...

Знаете, я дохожу до отчаянья! Я не въ силахъ жить съ этой тоской и мукой. Я ничего ужъ не могу понять...

Ради Бога, поговорите со мной... Я знаю Вы сумѣете разсѣять ужасъ тоски... Я понимала Васъ и уходила отъ Васъ. Почему? не знаю и знаю...Еще прошу будьте сегодня въ театрѣ къ *началу*, хотя бы и не одинъ, и если нельзя—не заходите, но все-таки будьте,—Вы одни поймете мою муку... *В. Николаева.*

II. 30 марта.

Другъ мой, Николай Саввичъ!

Вотъ я и въ Москвѣ, но ни время, ни разстояніе не могли заставить меня забыть «человѣка». Въ Т—лѣ мнѣ часто хотѣлось повидать Васъ, поговорить съ Вами, но Вы не шли, а я изъ самолюбія не хотѣла Васъ звать. Когда я нашла у себя на столѣ Вашу записку съ просьбой прислать пьесу, я нарочно ее не послала, думая, что вы сами придете, но—ошиблась. Послѣднюю записку, въ день моего отъѣзда, я застала у себя уже въ 5 час. вечера, возвратясь изъ семьи, гдѣ я все время обѣдала. Видѣть васъ хотѣла до безумія, но сложившіяся обстоятельства не позволили этого сдѣлать, да и къ тому же каждую минуту могъ кто-нибудь прійти, а Вы и я хотѣли повидаться наединѣ безъ свидѣтелей.

На шестой недѣ[...] Т—лѣ дня на три и [...] сообщу Вамъ о своемъ [...]

Ну, что вамъ сказать [...]

Въ Москвѣ меня ждалъ [...]щій меня человѣкъ, къ которому Вы все время совѣтовали вернуться, и вотъ онъ со мной!

А знаете, другъ мой, что, къ ужасу моему, у меня нѣтъ уже того чувства, что было раньше, но оставить его я не могу: онъ такъ несчастенъ, такъ любитъ, такъ страдаетъ, что лучше пусть я умру, погибну, пусть вся моя жизнь превратится въ одно тусклое прозябаніе, пусть не будетъ яркаго горѣнья, не будетъ жизни, ибо жить для меня значитъ любить,—но я не должна оставить его, я должна облегчить его душу, быть съ нимъ; безъ меня для него нѣтъ жизни.

Впрочемъ, я ничего не понимаю, не знаю; знаю только, что и тутъ я мучаюсь, раскаиваюсь, и нѣтъ мнѣ счастья, нѣтъ мнѣ душевнаго покоя!

Ну, посмотримъ—дальше!

Дѣла мои театральныя пока въ застоѣ потому, что съ зимою ничего не рѣшила. Сама я бы давно подписала контрактъ куда-нибудь, но Александръ Наумовичъ требуетъ, чтобы эту зиму служить вмѣстѣ.

Будемъ ли?!—Не знаю, не знаю!..

Матеріальныя дѣла ужасны: Семенъ Ивановичъ *) не заплатилъ мнѣ.

Ну, да я особенно не ужасаюсь, вѣдь мнѣ, перенесшей столько въ жизни, развѣ можетъ быть страшна нужда?—Я съ Вами совсѣмъ откровена, а потому, что чувствую въ Васъ друга, Пишите—отвѣчу.

Ваша *В. Николаева.*

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Я—чъ.

Вѣсти о Л. Н. Толстомъ.

Корреспондентъ «Русскаго Слова» телеграфируетъ изъ Козельска, что Л. Н. Толстой находится въ настоящее время въ Шамардинскомъ женскомъ монастырѣ у своей сестры, монахини Маріи Николаевны.

Въ 5 ч. вечера путешественники пріѣхали въ Оптинскую пустынь. Переночевавъ въ гостиницѣ, Л. Н. отправился къ проживающему въ обители старцу Іосифу и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

Въ 4 ч. дня Л. Н. отправился въ Шамардино.

Въ Шамардинѣ Л. Н. намѣренъ остаться не долго, не болѣе недѣли. Затѣмъ снова отправится въ дальнѣйшій путь, но куда именно—неизвѣстно.

*) Антрепренеръ.

Хроника.

[…]вшіеся выборы. Наз[на]ченныя на 2 ноября выборы [упол]номоченныхъ на всероссій[ск]ій ремесленный съѣздъ не состоялись и перенесены на воскресенье 7 ноября. Между прочимъ, характерно, что на вопросъ наборщиковъ, могутъ ли они участвовать въ выборахъ, г-нъ Домбровскій отвѣтилъ, что могутъ выбирать, но не могутъ быть избираемы.

Къ этому странному взгляду на выборы мы еще вернемся въ другой разъ.

Засѣданіе городской думы. 4-го ноября состоится засѣданіе гор. думы, на которомъ будутъ разсмотрѣны слѣдующіе вопросы: 1) Чтеніе протокола предшествовавшаго засѣданія. 2) Докладъ управы по вопросу уплаты фирмѣ Држевецкій и Iезіоранскій заголовныхъ суммъ. 3) Докладъ управы съ отчетомъ прихода и расхода за время съ 1 іюля 1909 г. по 1 іюля 1910 г. и о пониженіи таксы за воду. 4) Предложенія Могилевскаго Губернскаго по [г]ородскимъ дѣламъ Присутствія [о]тъ 16 сентября за № 1254 съ прошеніями П. А. Вержеховскаго объ освобожденіи его имущества отъ обложенія сборами в доходъ города. 5) докладъ управы по вопросу сдачи въ аренду участка городской земли за предм. Бѣлицей подъ постройку костопальни. 6) отношеніе Могилевской казенной палаты отъ 8 октября за № 51801—о назначеніи двухъ представителей отъ Городского Управленія въ составъ городского по налогу Присутствія. 7) Отношенія Могилевской казенной палаты отъ 11 октября за № 51942 объ избраніи на 1911 г. въ члены Гомельскихъ 1-го и 2-го городскихъ по квартирному налогу Присутствій.

Опозданіе поѣзда. Почтовый поѣздъ № 3 прибылъ изъ Бахмача вчера въ Гомель съ опозданіемъ на 4 ч. 20 м.

Несчастный случай. Крестьянинъ Бѣлицы Матусевичъ во время работы на лѣсопильномъ заводѣ Бройтмана получилъ переломъ плечевой кости.

Своимъ судомъ. Кр. д. Костюковки Ф. Кондратьенко, возвращаясь изъ суда, который присудилъ въ его пользу землю, за которую онъ судился со своимъ дядей Степаномъ, былъ послѣднимъ избитъ до того, что у Ф. Кондратьенко оказался переломъ лѣваго предплечья.

Драка. Кр. г. Гомеля Карминскій во время драки въ монастырѣ получилъ двѣ рѣзанныя раны въ поясницу.

Раны тяжелыя, но не опасныя.

Убійство бѣшеной собаки. На Базарной ул. постовой городовой шашкой убилъ бѣшеную собаку, которая долгое время оставалась лежать на улицѣ.

Ликвидація шайки. Оперировавшая нѣкоторое время въ Гомелѣ шайка воровъ теперь ликвидирована.

Въ теченіе послѣдней недѣли не было ни одной кражи.

Съѣздъ фабричныхъ врачей. Министерствомъ вн. дѣлъ и торговли и промышленности разрѣшенъ созывъ въ гор. Москвѣ съ 14-го по 22-е апрѣля 1911 года втрого всероссійскаго съѣзда фабричныхъ врачей и представителей фабрично-заводской промышленности.

Курьезный случай. На ст. Калюшни произошелъ слѣдующій случай. Въ буфетъ перваго класса вошелъ молодой человѣкъ и потребовалъ себѣ чаю. Одновременно съ нимъ вошла дама и сѣла противъ молодого человѣка. Съѣвши заказанный обѣдъ, она сказала кельнеру, что за обѣдъ заплатитъ ея мужъ, и вышла. Молодой человѣкъ, которому подали счетъ за съѣденный дамой обѣдъ, былъ очень пораженъ, но, не желая подымать исторіи, уплатилъ за свою мнимую жену.

Изъ земской смѣты на 1911 г. Содержаніе врачей—72220 руб. Содержаніе низшаго медицинскаго персонала—72230 р., содержаніе лечебныхъ заведеній—282056 р. На эпидемію—8700 р. На общественное призрѣніе—53209 р.

Въ иллюзіонѣ. Въ иллюзіонѣ «Экспрессъ-Біо» демонстрируются недурныя картины. Такъ, напр., Рабыня Алина, Любовь пастуха и др.

Двѣ смерти въ одной семьѣ.

Сестра и шуринъ Николая Куликова сообщили намъ, что онъ убитъ въ д. Замостьѣ, Поколюбичской волости, въ то время, когда онъ возвращался отъ своей тещи. Причины убійства его роднымъ неизвѣстны.

Это убійство останавливаетъ наше вниманіе по слѣдующимъ причинамъ: Н. Куликовъ долженъ былъ быть свидѣтелемъ по слѣдующему дѣлу: кр. д. Замостье, Гом. у., А. и С. Черенковы и М. Скачковъ обвиняются въ убійствѣ своего односельчанина Е. Куликова (брата нынѣ убитаго Николая Куликова).

Николай Куликовъ могъ открыть имена непривлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ, о чемъ онъ неоднократно говорилъ, и, очевидно, были люди, которымъ необходимо было устранить его. Таковы, по нашему мнѣнію, мотивы этого убійства.

Но какъ бы то ни было, въ короткій срокъ семья Куликовыхъ потеряла двухъ работниковъ, что для крестьянина равно разоренію.

Редакторъ-Издатель

Г. М. Нейманъ

Гомель, типографія Миляева, тел. № 235.